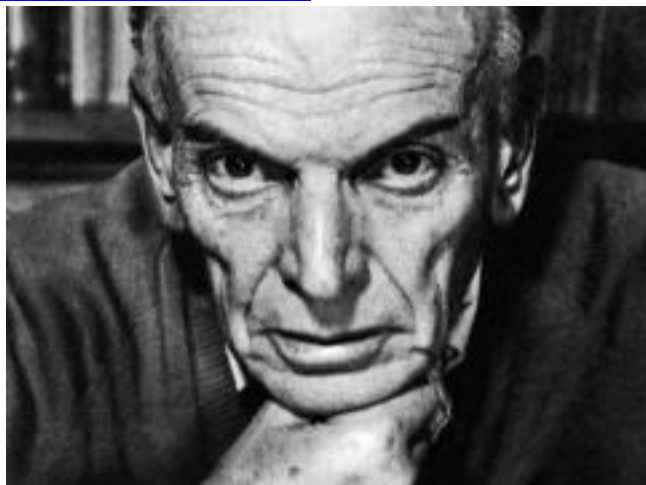

«Поэт, распятый на кресте прозы»

[Николай ГОЛОВКИН](#) - 31 мая 2017

Body

К 125-летию со дня рождения классика русской литературы, «последнего романтика XX века» Константина Георгиевича Паустовского (1892-1968)

«Истинная любовь к своей стране не мыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к родному языку – дикарь. Он вредоносен по своей сути, потому что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа...».

Константин Паустовский

«Творчество Паустовского само по себе есть проявление огромной, неистребимой любви к русской земле, к русской природе...»

Владимир Солоухин

«Думаю, Ваш удел, Ваша настоящая поэзия - в прозе...»

Тончайший стилист, мастер чеканной прозы, Иван Алексеевич Бунин, как утверждают критики, был очень скуп на похвалы.

В 1947 году Паустовский неожиданно получил письмо от того, кого никогда не переставал считать своим любимым учителем. Штемпель на конверте –

парижский:

*«Дорогой собрат, я прочитал Ваш рассказ **«Корчма на Брагинке»** и хочу Вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа («под занавес»), он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы. Привет, всего доброго. Ив. Бунин. 15.09.47».*

Как же попало на глаза Бунину, который незамедлительно отозвался добрым словом, это произведение Паустовского?! До Парижа, как оказалось, дошёл журнал «Вокруг света», популярный не только у нас, в Советском Союзе, но и на западе. В этом журнале, ещё до выхода в свет первой книги автобиографической повести Паустовского **«Повесть о жизни»**, была напечатана одна из её глав – **«Корчма на Брагинке»**.

А тридцать лет назад, в переломном для России 1917-м, Костя Паустовский осмелился послать на отзыв самому Бунину, которого читала вся Россия, 19 стихотворений. Тогда он видел себя именно поэтом.

И Иван Алексеевич ответил неизвестному молодому автору, причём ответил на удивление быстро. В его письме были слова, которые могли обидеть, но, к счастью, не обидели его будущего *«дорогого собрата»*:

«Думаю, Ваш удел, Ваша настоящая поэзия – в прозе...».

Так сбылось предсказание Бунина, обладающего редкой прозорливостью и чутьём: поэзией Паустовского стала его проза.

Благодаря величайшему дару человеческого сознания – поэтическому восприятию действительности, проза Паустовского, выдающегося мастера лирической прозы, наделена романтикой и по праву называется *«поэзией в прозе»*.

Он стал, по образному выражению другого своего старшего современника Михаила Михайловича Пришвина, – *«поэтом, распятым на кресте прозы»*.

«Муза дальних странствий»

Каждый год в день рождения Паустовского на его могиле в Тарусе появляется корзина с еловыми шишками. Одна из лучших лирических новелл писателя о встрече в лесу знаменитого композитора Эдварда Грига с девочкой Дагни, дочерью лесника, так и называется **«Корзина с еловыми шишками»**. Эта новелла, как и всё творчество писателя, наполнена музыкой и красотой, чистотой и радостью, и открывает перед нами *«то прекрасное, чем должен жить человек»*.

... Константин Георгиевич Паустовский родился в Москве в последний день весны 1892 года.

Семья Константина Георгиевича часто переезжала. В детстве и юности он жил и в Киеве, и в других городах Малороссии и центральной России, возвращался в Москву и вновь жизненные обстоятельства звали его в дорогу. Менял профессии, очарованный «музой дальних странствий», набирался впечатлений, которые потом очень пригодились на писательской стезе.

Когда Паустовский стал журналистом и писателем, география его поездок ещё больше расширилась – он объездил почти весь Советский Союз, позже, уже хорошо известный за рубежами Отечества, бывал во Франции и Италии, Англии и Болгарии...

«...Почти каждая моя книга – это поездка. Или, вернее, каждая поездка – это книга...», – напишет писатель в своей автобиографии.

Паустовский – автор произведений разных жанров: романы, повести, пьесы, очерки, сказки, эссе, статьи... Однако в любви чаще всего писатель признавался к небольшому по объёму, но нелёгкому жанру – жанру рассказа.

В его творчестве именно рассказу принадлежит центральное место (да и крупные произведения у писателя построены по мозаичному принципу!). Константин Георгиевич добился здесь особенно больших успехов, блестяще продолжая традиции в этом жанре И.С.Тургенева, А.П.Чехова, И.А. Бунина, других мастеров русского классического рассказа.

Феномен Паустовского

Главным умением и достоинством писателя, по мысли Паустовского, было *«искусство видеть мир»*.

Вдохновение неизменно дарил ему природа. Но завораживающие её описания в его произведениях – вовсе не самоцель для мастера. Через состояние природы Паустовский всегда пытался объяснить самое сокровенное в человеке – состояние души.

Именно так, по мнению Константина Георгиевича, можно было воспеть национальный характер, раскрыть мировоззрение, показать богатства родного языка.

Он не раз возвращается к мысли о том, что *«образность и волшебность (по словам Тургенева) русского языка неуловимым образом связаны с природой, с бормотанием родников, криком журавлиных стай, с угасающими закатами, отдаленной песней девушек в лугах и тянущим издалека дымком от костра...»*.

Писатель видел основную цель своей работы в сохранении и приумножении богатств родного языка, а потом преподносил их как дар своему читателю.

Ему было доступно знание огромных возможностей слова, умение вскрывать нетронутые языковые богатства, почувствовать и передать поэзию, щедро рассеянную вокруг нас.

Паустовский считал, что *«многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск»*.

Тонкий ценитель прекрасного в природе, людях, искусстве, писатель избрал это постоянным объектом своего внимания.

Мастер был убеждён, что существовала прямая связь между красотой русской земли и одарённостью её народа, богатством и силой русского языка и искусства.

Главное в пейзажах Паустовского – лиризм. Он вызывает в читателях живое ответное чувство. Константин Георгиевич мастерски владеет словом, чувствуя все

его обертоны, краски и оттенки (во многом благодаря эпитетам!). Именно это, несомненно, даёт нам возможность представить изображённое почти как реальное.

«Обойденный» всеми государственными премиями и наградами, «доктор Пауст» (так некогда первым назвал Константина Георгиевича Эммануил Казакевич по аллюзии с легендарным героем Гёте» и как потом мастера нередко называли другие – и коллеги, и ученики в Литературном институте, и читатели!), тем не менее, стал поистине живым классиком.

Что же породило феномен Паустовского?!

В 1960-е для многих советских читателей, на которых не действовали «идеологические инъекции», Константин Георгиевич был не только мастером слова, но и, что, безусловно, так важно в писателе – эталоном порядочности.

Когда в 1963 году в Советском Союзе проводился опрос о самом читаемом в нашей стране писателе, таковым, к радости его почитателей, был назван Паустовский.

Незаметно из выдающегося русского писателя, жившего в советскую эпоху, Паустовский стал величиной европейской и мировой культуры.

Поэтому и этот юбилей, верю, не пройдет незаметно. И в нашем Отечестве, и за его рубежами.

«Вторая родина»

К югу от Москвы, на стыке трёх областей – Владимирской, Московской и Рязанской, раскинулся такой притягательный, по словам писателя, край лесов, озёр и тихих речек.

Эту удивительную страну Мещёру, которую он открыл, Паустовский называл своей второй родиной. Сюда писатель приехал впервые в 1930 году. Здесь он жил и работал (с перерывами, один или с друзьями-писателями – А.Гайдаром, Р.Фраерманом и др.) больше двадцати лет.

В Мещёре было всё, что привлекало писателя с самого детства, — *«...глухие леса, озёра извилистые лесные реки, болота, заброшенные дороги и даже постоянные дворы»*.

Здесь, по словам Константина Георгиевича, он прикоснулся к народной жизни, к чистейшим истокам русского языка.

«Самое большое, простое и бесхитростное счастье я нашёл в лесном Мещёрском краю. Счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряженного труда. Средней России — и только ей — я обязан большинством написанных мною вещей», — признавался Паустовский.

После публикации в 1939 году повести **«Мещёрская сторона»**, которую высоко оценила критика, Паустовского стали называть *«лучшим пейзажистом в*

современной литературе».

Так, Александр Роскин считал:

«Многие произведения Паустовского – произведения живописи. Их можно было бы вешать на стену, если бы только для подобных картин существовали рамы и гвозди».

И действительно пейзажи в **«Мещёрской стороне»** в пору сравнить с классическими образцами, в том числе с Левитаном, во многом благодаря творчеству которого Паустовский *«живописал словом, как кистью»*:

«Путь в лесах – это километры тишины и безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие масляки, облепленные хвоей, жёсткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светляки».

«Крупинки золотой пыли...»

«Всегда следует стремиться к прекрасному» – этими словами Оноре Бальзака Константин Георгиевич предваряет **«Золотую розу»**, одну из самых своих знаменитых книг, которой зачитывались и многие советские интеллектуалы разного возраста и профессий, и школьники моего поколения, раздумывающие о выборе жизненного пути.

И этот девиз *«последний романтик XX века»*, который зовёт нас в удивительный мир, пронёс через всё творчество.

Мир Паустовского – мир, где в ручьях плещется горная форель, раз в сто лет расцветают зимой сады, сказочники роняют слова добрых предсказаний случайным спутницам в ночных дилижансах... В этом мире не гремят выстрелы и не идут войны.

Полноправный герой **«Золотой розы»**, как и других книг писателя, — природа:

«Пейзаж — не привеска к прозе и не украшение... Природу надо любить, и эта любовь, как п всякая любовь, найдёт верные пути, чтобы себя выразить с наибольшей силой».

Своеобразной «увертюрой» к **«Золотой розе»** стал рассказ-притча **«Драгоценная пыль»**.

Жан Шамет, бывший солдат, а ныне – парижский мусорщик, многие годы изо дня в день кропотливо собирает и просеивает пыль, собранную им в ювелирной лавке. Его воспитанница – очаровательная крошка Сюзанна – сирота: отец её скончался в одном из колониальных походов Франции, поручив заботу о девочке Шамету.

Григ в новелле Паустовского **«Корзина с еловыми шишками»** подарил дочери лесника Дагни к её совершеннолетию волшебную музыку.

Чтобы сделать свою воспитанницу счастливой Шамет в конце концов смог из ювелирную пыли добыть крупинки золота, а затем отлить из драгоценного металла розу.

Так кропотливо, вдумчиво работал и мастер лирической, философской прозы Паустовский:

«...Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутивная мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же, как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, — всё это крупинки золотой пыли. Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу» – повесть, роман или поэму».

«Золотая роза» – книга о писательском труде (и не только!).

По слову Паустовского, *«...книга эта не является ни теоретическим исследованием, ни тем более руководством. Это просто заметки о моём понимании писательства и моём опыте».*

Тема литературы и искусства, рано вошла в творчество Константина Георгиевича.

И Максимов в **«Романтиках»**, и Берг в **«Блистающих облаках»**, и Гарт в **«Чёрном море»**, как мы видим, поглощены размышлениями о литературе, судьбе писателя и его ответственности перед своим талантом.

Рядом с ними – созданные Паустовским в биографических повестях образы Лермонтова, Кипренского, Левитана ... Да, они, возможно, субъективны: показаны такими, какими видит их автор. Но эти образы – живые, яркие, запоминающиеся, поэтому и ныне привлекают внимание читателей.

Настоятельной потребностью собрать воедино, как *«крупинки золотой пыли»*, мысли о творчестве и поделиться этим неисчерпаемым богатством с читателями и была рождена **«Золотая роза»**.

Ярко проявляется здесь гражданская позиция автора:

«Голос совести, вера в будущее не позволяют подлинному писателю жить на земле, как пустоцвет, и не передать с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого».

«Повесть о жизни»

Тяжелейшая судьба выпала на долю поколения Паустовского: Первая мировая война, две революции 1917-го, гражданская война, Великая Отечественная война...

Как всё это было пережито, прочувствовано, осмыслено рассказывает одно из главных произведений мастера – автобиографическая **«Повесть о жизни»**, где он искренне объясняет, почему остался в стране, раздираемой гражданской войной:

«Это — дело совести. Я считаю, что никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя бросать свою страну. И свой народ...».

Выразительные названия шести частей **«Повести о жизни»** – **«Далёкие годы»** (1946), **«Беспокойная юность»** (1954), **«Начало неведомого века»** (1956), **«Время больших ожиданий»** (1958), **«Бросок на юг»** (1959-1960), **«Книга скитаний»** (1963) – помогают нам, читателям, представить, как складывалась жизнь Константина Георгиевича, его писательская судьба на тернистых дорогах-этапах отечественной истории.

*«Без чувства своей страны – особенной, очень дорогой и милой в каждой её мелочи – нет настоящего человеческого характера. В те годы, во время моей службы на санитарном поезде, я впервые ощутил себя русским до последней прожилки» (**«Беспокойная юность»**).*

Осенью 1917 года мать и сестра Паустовского жили на хуторе Копань под Чернобылем, куда он и отправился.

*«Я ехал через Киев. Он, так же, как и Москва, ключом кипел на митингах. Только вместо «долой!» и «ура!» здесь кричали «геть!» и «слава!», а вместо марсельезы пели «Заповіт» Шевченко и «Ще не вмерла Україна»...» (**«Начало неведомого века»**).*

*«Скитальчество – это не болезнь, не страсть – это высшее и кристальнейшее выражение большой человеческой тоски по далёкому, по загаданному, по жизни, овеянной свежими ветрами, многогранной, ликующей, в которой поёт каждый миг, каждая почти не заметная минута...» (**«Книга скитаний»**).*

Страсть к скитаниям, путешествиям сохранится у писателя до последнего вздоха.

Своей исповедальностью **«Повесть о жизни»** близка к таким произведениям русской литературы, как **«Жизнь Арсеньева»** И.А. Бунина или, скажем, **«Детство»**, **«В людях»**, **«Мои университеты»** А.М. Горького.

В **«Беспокойной юности»** Паустовский определил цель и смысл своей деятельности кратко и точно – найти отзыв в душе читателя:

«В каждом сердце есть струна. Она обязательно отзовется даже на слабый призыв прекрасного».

Все его книги, как камертон, настроены на эту «струну».

«Повесть о жизни» была номинирована на Нобелевскую премию.

Не сложилось! Премия была вручена не Паустовскому, а Шолохову...

Дневники

Опубликованные в 2005 году дневники писателя начала 20 века открыли для нас

доселе потаённое.

Не будем из них выцеживать мотивы, созвучные «Окаянным дням» Бунина, писателя-эмигранта. Они в переломную эпоху в ранних дневниках Паустовского тоже встречаются, но в целом не это определяет их общий тон.

Вот один из примеров – из одесского дневника Паустовского (декабрь 1920 года):

«Бог прислал меня на землю с даром красок. Поэтому я – художник. Я остро чувствую краски и настроения дней, хотя близорук. И в людях я чувствую краски их души. Пишу, и слова ложатся мазками, как краска на холст, и вся моя мысль – в этих тонах... золотеющих, насыщенных внутренней теплотой... Я мыслю сердцем. Может быть, потому так быстро сгорает жизнь... Поэтому я вряд ли создам что-нибудь дельное. Но я могу написать несколько прекрасных строк о свете лампадок и вечернем чае в тёплой, уютной столовой...».

Тарусские страницы...

Особое место в жизни и творчестве писателя занимала Таруса.

С этим тихим, маленьким приокским городком средней полосы России связаны его поэтические эссе и новеллы **«Уснувший мальчик»**, **«Городок на реке»**, **«Избушка в лесу»**, **«Наедине с осенью»**, **«Ильинский омут»** ...

Константин Георгиевич обосновался здесь в середине прошлого века, в 1954-м, провёл 13 своих последних лет, творчески плодотворных, счастливых.

Паустовский приезжал сюда из суетной Москвы, жил с семьёй всё лето и работал порой до поздней осени, *«до белых мух»*. Как гимн звучат слова писателя:

«Я не променяю Среднюю Россию на самые прославленные и потрясающие красоты земного шара. Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску – на её скромных берегах я теперь часто и подолгу живу».

В 1955-м было приобретено полдомика в небольшом тупичке (улица Пролетарская, дом 2) над крутым скатом к речке Таруске, потом к нему были сделаны пристройки

Уже через несколько лет на пустыре, рядом с домиком радовал глаз настоящий сад. Здесь теперь открыт музей писателя.

В саду по-прежнему самозабвенно поют соловьи. Бывать здесь – волнующее душу наслаждение.

А вот и любимое место уединения мастера – беседка! Константин Георгиевич просыпался на заре, раньше всех, обходил сад, внимательно наклоняясь к каждому растению.

Затем он садился работать в беседке, чтобы не беспокоить спящий дом изматывающим кашлем. А когда просыпались домашние, то первым делом говорил жене:

«А ты знаешь, Таня, настурция сегодня расцвела...».

От дома Паустовского хорошо видна белая церковь в Бёхове на другом берегу Оки — рядом с нею похоронен великий русский художник Василий Дмитриевич Поленов.

Отсюда, из «тарусской обители» писателя, можно отправиться вдоль берега Таруски к Ильинскому омуту, существовавшему на земле, вероятно, с незапамятных времён – новелла Паустовского сделала это место знаменитым на весь мир:

«Одно из неизвестных, но действительно великих мест в нашей природе находится всего в десяти километрах от бревенчатого дома, где я живу каждое лето. Я думаю, что слово «великий» применимо не только к событиям и людям, но и к некоторым местностям нашей страны, России...То место, о котором пойдёт рассказ, называется скромно, как и многие великолепные места в России: Ильинский омут... Оно не связано ни с какими историческими событиями или знаменитыми людьми, а просто выражает сущность русской природы. В этом отношении оно, как принято говорить, «типично» и даже «классично».

Такие места действуют на сердце с неотразимой силой. Если бы не опасение, что меня изругают за слащавость, я сказал бы об этих местах, что они благостны, успокоительны и что в них есть нечто священное».

В **«Ильинском омуте»** Паустовский-художник так живописал открывшееся здесь его взгляду:

«Всё зависит от пытливости и от остроты глаза. Ведь всем известно, что в самой малой капле отражается калейдоскоп света и красок — вплоть до множества оттенков совершенно разного зелёного цвета в листьях бузины или в листьях черёмухи, липы или ольхи. Кстати, листья ольхи похожи на детские ладони — с их нежной припухлостью между тоненьких жилок».

Концовка этой новеллы стала хрестоматийной:

«...Нет, человеку никак нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца!»

Писатель пользовался уважением и любовью местных жителей, стал первым почётным гражданином Тарусы. Он словно принял на себя негласное нравственное обязательство — заботиться об этом уголке русской земли.

Паустовский отдал много сил бытовому благоустройству калужской глубинки, сохранению исторического лица города.

Знаменитый альманах **«Тарусские страницы»**, который он «пробил», и поныне – свидетельство свободомыслия и культурного возрождения милой его сердцу «глубинной России».

«Мы - потомки Пушкина...»

Писатель, долгая творческая жизнь которого не всегда была гладкой, скончался 14 июля 1968 года в Москве.

А за два года до кончины, тяжело боля и подводя итог, он – не без юмора! – скажет о своей жизни так: *«смертельно интересна во всех своих аспектах»*.

Константин Георгиевич завещал похоронить его на городском кладбище в любимой Тарусе.

В день похорон, несмотря на то, что бушевала гроза, буквально весь город вышел на улицы проводить мастера в последний путь. На глазах людей были слёзы. Вот и небеса не сдержались – заплакали. Вся природа оплакивала своего певца.

«Петухи взлетели на крыши, приветствуя шествие своими возгласами, яростно размахивая пёстрыми крылами, — вспоминала пианистка Мария Юдина, — куры клохтали, гуси гоготали в полном трансе, собаки, кошки носились промеж толпы, силясь постичь непостижимое событие... Похороны состоялись не только как всенародные, но и было в них истинное вселенское величие Руси, хоронила Паустовского — вся тварь... всё творение Божие...».

Место, где находится скромная могила Паустовского, было выбрано самим писателем. Отсюда, с высокого холма, окружённого деревьями с просветом на реку Таруску, он словно смотрит в вечность.

«Любимые всегда кажутся нам бессмертными», — утверждал Константин Георгиевич. К «доктору Паусту», по-прежнему одному из самых любимых и читаемых русских писателей, с полным правом можно отнести его слова о Чехове:

«...Он был не только гениальным писателем, но и совершенно родным человеком. Он знал, где лежит дорога к человеческому благоденствию, достоинству и счастью, и оставил нам все приметы этой дороги».

...Наш мир, люди и события виделись Константину Георгиевичу сквозь воздух мечты и вечности. В то же время он смотрел на мир отнюдь не через розовые очки, многое сумел предугадать.

Паустовский – прививка от того нездорового, что начало укореняться в нашем обществе в «эпоху подмен», в трагические «нулевые».

Как тут не вспомнить его письмо-завещание, которое заканчивается большой душевной болью за будущее России:

«...мы жили на этой земле. Не давайте её в руки опустошителей, пошляков и невежд. Мы – потомки Пушкина, и с нас за это спросится».

Видел бы он нас сегодня!

А что, если, и в правду, видит?!

Простите нас, Константин Георгиевич!

...Огорчаетесь?

...Сердитесь?

...Жалуете?

...Хотите помочь? – И по-прежнему помогаете своим ярким, авторитетным писательским словом, не меркнувшим, как в день Вашего рождения, закат над Окой...

[Николай ГОЛОВКИН](#) - 31 мая 2017

<http://webkamerton.ru//2017/05/poet-raspatyi-na-kreste-prozy>